

СНЫ со счастливым концом

12+

Наталия Александровна Яксина

СНЫ со счастливым концом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25023740

SelfPub; 2023

Аннотация

Иногда грань между сном и явью становится настолько тонкой, что теряешь чувство реальности. Может, проблемы реальной жизни продолжают преследовать даже во сне? А может, волшебство врывается в повседневность? Сон это или реальная история? Главное, чтобы конец был счастливым.

Содержание

ИЗБУШКА БЕЗ КУРЬИХ НОЖЕК	4
СОН АТЕИСТА	11
КУЗНИЦА НОВЫХ СУДЕБ	16

Наталья Яксина

СНЫ СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

ИЗБУШКА БЕЗ КУРЬИХ НОЖЕК

Мхи и лишайники растут на коре дерева с северной стороны, солнце встает на востоке и садится на западе, а птицы зимой улетают на юг. Как эти знания могут мне помочь найти дорогу из леса? Судя по тому, что я уже четыре раза прохожу мимо дерева, расщепленного надвое ударом молнии, никак не помогут.

Наши предки, не задумываясь, сказали бы, что меня кружит по лесной чаще леший. Я, конечно, знаю, что большинство людей при ходьбе шагают левой ногой чуть шире, чем правой, вот и ходят в лесу по кругу. Или правой шагают шире... Но в любом случае, я стараюсь не оглядываться, чтобы не упасть в обморок при виде коренастого косматого субъекта.

Как же так? Почему я оказалась здесь, в незнакомом месте и плутаю среди вековых деревьев? Где был мой инстинкт самосохранения, когда я согласилась на эту загородную прогулку? Вместо обещанного идиллического единения с природой мне был уготован изматывающий разговор без нача-

ла и конца. Суть нескончаемого монолога, изредка прерываемого моими отчаянными попытками вставить хотя бы слово, сводилась к следующему: я должна понять, войти в положение, ничего не ждать, ни на что не надеяться, потому что ему так надо. Ненужные слова липли ко мне назойливыми мухами: «Ты должна на все согласиться, ты должна, у тебя нет выбора». Я зажмурилась, пытаюсь как-то от него отгородиться. Перед закрытыми глазами продолжал размахивать руками мой спутник, только теперь рук у него было шесть, а за спиной болтались крылья. Наглое, неумолчно жужжащее насекомое, вот он кто!

Я мысленно взяла в руки гигантскую мухобойку, хорошенько замахнулась, открыла глаза и произнесла:

–Нет. Я ничего тебе не должна. А выбор есть всегда. Я выбираю свободу и счастье. Прощай.

И, пока он хлопал глазами от удивления, я резко нырнула в кусты и убежала, воображая себя олимпийской чемпионкой по легкой атлетике. Он попытался догнать меня, но я петляла, как заяц, и пряталась за деревья. Он звал меня, но я не отвечала. Фу, какой у него все-таки противный козлийный голос! И как я раньше этого не замечала?

Свободна! Свободна! Свободна! Зачем я потратила несколько лет своей жизни на этого чужого человека? Где-то позади вместе с ним остались мои постоянные спутники: тоска, недовольство жизнью, неуверенность в завтрашнем дне. Энергия и радость бурлили в каждой клеточке мо-

его обновленного существа.

Но когда эйфория прошла, я поняла, что нахожусь в незнакомом лесу, одна. Что с моим топографическим кренинизмом это опасно для жизни. И что пяти одинаковых разбитых молнией деревьев в одном лесу не бывает.

Спокойно, без паники. Нужно идти вперед, намечая себе какие-то ориентиры и оставляя какие-то метки. Я нарисовала на оголенном стволе расщепленного дерева крестик красной губной помадой и зашагала во-он до той высокой сосны, а потом во-он до той кривоватой елки, а теперь во-он до той березки... Лес, в котором растут и хвойные, и лиственные деревья, называется смешанным. Опять бесполезная теория! Зачем я так усердно училась в школе? Лучше бы гуляла побольше – во всех смыслах. Может, сейчас не убежала бы от недоразумения якобы мужского рода и не плутала бы по чаще.

Деревья с красными крестиками мне не попадают, значит, я перестала кружить на одном месте. Стена из могучих стволов стала постепенно истончаться и вдруг расступилась, открывая опушку с деревянной избой посередине. Гигантской курьей ножки, а также частокола из человеческих костей и припаркованной ступы не наблюдалось, но все равно мне стало как-то тревожно. «Хватит на сегодня истерик, возьми себя в руки!» – не очень-то убедительно рявкнул внутренний голос. Если рассуждать здраво, то передо мною домик лесника. Надо постучаться в дверь и спросить у него

дорогу до станции. Единственное, что мне угрожает, так это обморок от удушья – наверняка лесник пьет самогон «для сугреву», курит самосад «для порядку», да и бани нигде поблизости не видно. Я подошла к избушке и очень вежливо постучала в дверь. Тишина. Я постучала менее вежливо – тишина. В сердцах пнула дверь ногой – тишина. Никого нет дома. Значит, буду ждать хозяина.

Десять минут. Пятнадцать. Полчаса. Дождик накапывает. Усиливается. Я постеснялась заходить в дом в отсутствие хозяев и решила спрятаться под плакучей березой. Прямо передо мной свесилась огромная ветка. Удивительно, как она напоминает длинную, стройную ногу. И даже пальцами шевелит... Я бросилась бежать, вслед мне серебряным колокольчиком зазвенел девичий смех. Голос показался странно знакомым. Я невольно обернулась: высокая стройная девушка с распущенными волосами догоняла меня, протягивая красивые руки с длинными пальцами. Вся она – кожа, волосы, короткое легкое платье – была белой и полупрозрачной. Черты ее лица, обрамленного длинными развевающимися волосами, я сразу узнала. Сердце больно подпрыгнуло и замерло от ужаса: это было *мое* лицо. Мой прозрачный и призрачный двойник смеялся *моим* смехом и тянулся к моим бокам, словно собираясь пощекотать. Забыв про хорошие манеры, я ворвалась в избушку и захлопнула дверь прямо перед носом у русалки. В замке с внутренней стороны торчал ключ; я трижды его повернула.

В следующий миг пол под ногами завибрировал, стены задрожали: избушка словно поехала куда-то со скоростью пассажирского поезда. Спокойно, я просто сошла с ума от отвращения к бывшему ухажеру. В домике было три окна, плотно закрытых ставнями. Ну-ка, откроем левое... За окном проплывают заснеженные вершины, а по широкой тропе важно шествуют горные бараны, если не ошибаюсь. Галлюцинации! Я зажмурилась, сосчитала до десяти и вновь выглянула. Вожак стада коротко проблеял, поторапливая отстающих.

Откроем правое окно... Безбрежное море сливается с чистым небом. Светло-серый галечный берег пестрит разноцветными купальниками загорающих. Вдалеке с ревом проносится водный мотоцикл. Дети с визгом брызжутся водой друг в друга. Опрятная старушка несет корзинку с пирожками и громко рекламирует свой товар. Наверное, до десяти можно и не считать.

Слева горы, справа море, сзади за тонкой дверью русалка. Русалка похожа на меня, как сестра-близнец, но симпатии ко мне явно не испытывает. Остается последнее окно – в центре стены.

Впереди проплывал до боли знакомый съезд с Рижского шоссе. Отсюда до дома – несколько километров. Ведь я читала в «Занимательной физике», как нужно правильно прыгать с поезда! Надо прыгать подальше, чтобы не попасть под колеса... Какие колеса могут быть у избушки? Впрочем,

неважно. И против хода! А не по ходу? Сзади затрещала дверь. Я перекрестилась, зажмурилась и выпрыгнула.

Я кубарем скатилась с холма прямо на проезжую часть. Больно! Синяк останется... Пустяки! Я жива, я здорова, я в Гольево! До дома километров пять-шесть, можно дойти пешком. Сейчас «почищу перышки» – и вперед. Вот только сил почему-то не осталось – наверное, из-за этих невероятных приключений. Что это было: галлюцинации, бред, сон наяву? А может, прикусила язык и отравилась собственным ядом? Оч-чень остроумно. Автобус будет через полчаса, маршрутки что-то не видно. Но по сравнению с русалкой это просто мелочи. Жизнь прекрасна, просто – во!

Темно-синий блестящий «Фольксваген» аккуратно остановился прямо передо мной. Водитель приоткрыл дверь и вопросительно взглянул на меня. Видимо, он принял мой пылкий жест «во!» за автостопный призыв. Ни на русалку, ни на горного барана он не похож – рискну!

Все-таки в моей голове есть что-то, кроме бесполезной теории. Например, золотое правило автостопа: разговоры водителя – доедешь до места назначения бесплатно и безопасно. Благодаря моему красноречию водитель вызвался довезти меня прямо до дома. Вспомнив о приличиях, я спросила: –Сколько я Вам должна?

–Вы мне ничего не должны. Всегда приятно поговорить со счастливым человеком. Возьмите мою визитку – позвоните, когда будете свободны. До свидания.

–До свидания.

Мне нравится ход его мыслей. Ничего не должна. Счастлива. Свободна. Пожалуй, до скорого свидания.

СОН АТЕИСТА

Триста девяносто восемь, триста девяносто девять, триста девяносто десять... Если мучает бессоница, надо считать до трех. Иногда до половины четвертого. А еще не надо на сон грядущий вести продолжительные телефонные разговоры. Особенно с барышнями с тонкой душевной организацией. Тем более не следует так пылко спорить. А все-таки, есть Бог или нет? Нет ни одного веского рационального доказательства его существования. Но как доказать, что его нет и быть не может?

Странно, никогда раньше не замечал, что в моей комнате невероятно высокий потолок. Полукруглый каменный свод еле виден на расстоянии нескольких километров. Глухой потолок расположился так высоко, что над ним уже нет неба. В гигантском зале нет ни окон, ни дверей. Тихо и пусто. Откуда-то просачивается дрожащий красный свет. Кажется, источник света где-то слева. Сколько я к нему иду? Минуту, две? Триста девяносто восемь шагов, триста девяносто девять... Уже различим узкий проем, за ним длинный извилистый коридор. Оказываюсь в запутанном лабиринте. Пытаюсь считать повороты вправо и влево, но сбиваюсь. Да и зачем запоминать дорогу? Обратного пути не будет. Иду на красный свет.

Я в центре огромного помещения. Все тот же тяжелый потолок вместо неба, толстые каменные стены источают леденящий холод. Глаза давно привыкли к тусклому красному свету, так что без труда различают на полу цепи, кандалы, колодки, наручники...

— Сюда прибывают те, кто и при жизни были рабами — невольниками алкоголя, наркотиков, табака, азартных игр, собственной похоти. После биологической смерти они продолжают существование с того же уровня, которого их сознание успело достигнуть.

Голос звучит откуда-то сверху, хотя я уверен, что кроме меня здесь никого нет. Наверное, где-нибудь вмонтирован динамик. Иду дальше, ориентируясь на путеводный красный огонек.

Такой же безразмерный каменный зал, пустой, тихий и безлюдный. В нескольких метрах от меня неожиданно разверзается пол. Помещение наполняется багровыми отблесками и струями пара. Где-то бесконечно далеко внизу бурлит магма. Сверху раздается отчаянный крик: из открытого люка в потолке падает человек. Он беспомощно летит в магму, пол и потолок бесшумно закрываются.

— А здесь находится... — голос иронично кашлянул — мусороперерабатывающий завод. Он открыт для тех, кто считал чужую и свою жизнь мусором, который ничего не стоит выбросить.

Задерживаться на мусороперерабатывающем заводе мне

не хотелось. Я отправился дальше по лабиринту, следуя за своей нитью Ариадны – красным лучом.

Третье помещение показалось мне безразмерным. Ни начала, ни конца, только ледяная пустота. Красный свет стал ярче, и я увидел, что вокруг меня тысячи людей, неподвижных и безмолвных. Гиганты и карлики, толстяки и дистрофики, горбуны и одноногие, все как один одетые в черные джинсы и синие толстовки. Да это же я сам отражаюсь во множестве кривых зеркал! Похоже на Комнату смеха, вот только мне совсем не смешно. Хочется закрыть глаза, чтобы не сойти с ума.

– Сюда прибывают предатели, клятвопреступники и обманщики. Они так привыкли лгать окружающим и самим себе, что здесь им все будет привычно.

Почти радостно возвращаюсь в лабиринт. Куда он приведет меня на этот раз?

Десятки квадратных километров завалены руинами домов, остовами автомобилей и обломками самолетов. Прямо передо мной возвышается громада палубы с ясно различимой надписью: «Титаник».

– Здесь находится наш таможенный терминал. Люди не понимают, что не все можно забрать с собой. Богатство, успех, слава так легко рушатся при переходе из *того* мира в *этот*.

Я уже настолько освоился в *этом* месте, что осмелился спросить:

—А что можно забрать с собой?

—Любовь родных, верность друзей, благодарность близких, добрую память о себе. Во-первых, они прочны, во-вторых, долговечны, в-третьих, их столько, что и в *том* мире на много лет вперед остается.

Продолжаю путь по лабиринту. Где-то впереди раздается звон. Я шагаю все быстрее, звон все усиливается. Красный свет постепенно меркнет, но даже в темноте я замечаю, как опускается потолок и сужаются стены. Я снова оказываюсь в своей комнате с приоткрытым окном и со стандартным потолком, над которым где-то высоко находится ночное небо. На столе надрывается мобильник. На дисплее светится неизвестный номер: 8-909-666-13-13. Сбрасываю вызов и отключаю телефон: перезвоните завтра.

Странный сон. Интересно, куда я попаду после смерти? В первый зал вроде бы не должен — я не пью, не курю, не колюсь, не вдыхаю, не глотаю, словом, не раб вредных привычек. Второй, кажется, тоже не для меня — не представляю, как можно убить другого человека или покончить с собой. Третий зал... Вредных привычек у меня нет, кроме одной: вру много. На таможенный терминал мне нести нечего — я среднестатистический босяк без движимого и недвижимого имущества. Какого же уровня достигнет мое сознание к моменту перехода в иной мир?

И все-таки, есть Бог или его нет? Я ловлю себя на мысли, что готов услышать сверху голос:

–Нет меня. Засыпай, наконец.

КУЗНИЦА НОВЫХ СУДЕБ

Весна растопила зимние сугробы на улицах и наледь вынужденного спокойствия на сердце. Неопрятные конгломераты грязного снега и мусора на газонах таяли от смущения за свой неряшливый вид и простодушно пытались умыть расчищенный асфальт своими буроватыми ручейками. В душе дворницкими лопатами скреблась смутная тоска. Тщательно заглушавшееся чувство недовольства жизнью рвалось на свободу. Хватит плыть по течению, пережить тяжелые времена и бояться завтрашнего дня! Надо что-то менять!

Конечно, необходимы перемены, но не сейчас. Через полтора года. Кардинальные преобразования раньше этого срока заставят страдать самых близких и любимых людей. А сейчас надо смириться и ждать.

Жалобное мяуканье заставило внутренний голос замолчать. Крошечный полосатый котенок, сохранивший следы младенческой пухлости и пушистости, просил о помощи. Его маленькое израненное тельце дрожало от боли и слабости. Яна не смогла сдержать навернувшиеся слезы.

–Как же тебе помочь, малыш? Я не знаю, где ближайшая ветеринарная клиника. Да и денег у меня с собой только на автобус до дома, – всхлипывая, тихонько спросила она.

–А ты отнеси его в Кузницу Новых Судеб, пусть его там

перекуют для новой жизни, – неожиданно проблеял прямо в ухо незнакомый голос. Парень с козлиной бородкой, одетый во все черное, обдал ее противным дымом своего «Беломора», сунул ей в руку листовку и ушел, прихрамывая на обе кривых ноги. При других обстоятельствах Яна не оставила бы такое хамство безнаказанным, но сейчас ее мысли занимал раненый и, возможно, умирающий котенок.

Осторожно поглаживая маленького страдальца, Яна прочитала листовку:

«Вы недовольны своей жизнью? Приходите в Кузницу Новых Судеб! Мы подарим Вам новую жизнь и новую судьбу и не возьмем с Вас денег! Ваша новая жизнь и новая судьба – лучшая награда для нас!».

Ну конечно, это какая-то секта. Такие организации нужно обходить стороной и не приближаться к ним ни при каких обстоятельствах. Но, с другой стороны, в большинстве сект обязательно есть психологи, врачи и даже экстрасенсы – для профессиональной «обработки» доверчивых людей. Может, и в этой Кузнице есть человек, способный оказать помощь бедному малышу и любящий кошек настолько, чтобы не обратить внимания на принесшую котенка Яну? Находятся они, судя по адресу, неподалеку отсюда, да и денег обещали не брать. Может, стоит рискнуть? Отнести кроху, передать кому-нибудь, попросить полечить и быстренько сбежать, пока саму не перековали? Перед глазами на миг мелькнула задымленная кузница с закопченными и лохматыми мо-

лотобойцами перед пламенеющим горном. У Яны появилось смутное плохое предчувствие, но тут слабо застонал котенок. Надо срочно спасать несчастное животное, а других вариантов нет! Неужели взрослый человек с сильной волей не сможет противостоять сектантам?

Яна осторожно примостила бедняжку на груди и быстро зашагала по указанному адресу. Она без труда нашла пустынный дворик с засохшим деревом и чередой мусорных контейнеров. С разных сторон во дворик зашли несколько человек с такими же листовками в руках, как и у нее. Кузница находилась в подвале аварийного дома. Пустые окна безучастно смотрели на немногочисленных людей, подходивших к черной двери, ведущей в заветную мастерскую новых жизней. Яна остановилась перед дверью и спустилась взглядом по каменным ступеням, исчезающим во мраке. Этот заброшенный дом, темный подвал, мрачные люди... Нет, надо уходить отсюда! В этот момент по крошечному тельцу котенка пробежала судорога. Яна шагнула в сгущающуюся темноту.

Лестница оказалась бесконечно длинной. Глаза быстро привыкли к сумраку, и Яна смогла разглядеть силуэты спускающихся по ступеням людей. Странно, вместе с ней к дому подходили то ли шесть, то ли семь человек, а здесь их уже не меньше двадцати. Нехорошее предчувствие многократно усилилось. Яна стремительно развернулась и стала вприпрыжку подниматься к выходу. Где-то наверху с грохотом

захлопнулась дверь, лязгнул замок, и зазвенела цепь. Придется спуститься и поискать другой выход.

Лестница наконец-то закончилась. Узкий коридор, где мог протиснуться только один человек, сформировал людской поток в длинную очередь. Яна оказалась последней. Она шагала в хвосте огромной гусеницы из мрачно молчащих людей и изо всех сил надеялась, что ошибается в своих догадках. Коридор перешел в каменный зал, больше напоминающий пещеру. Его слабо освещали далекие вспышки огня. К очереди откуда-то подошли несколько человек. Они привычно и ловко разделили вереницу на равные группы и повели каждый свою в разных направлениях. Группу Яны возглавила странно знакомая женщина. Да это же Алла Владимировна! Она вела курс психологии на ее факультете, а года три назад перешла на другую работу. Так вот где она теперь... А это кто? Неужели Настя? Яна разглядела в соседней группе свою студентку. В последнее время Настя почти перестала посещать занятия. Теперь ясно, по какой причине. Алла Владимировна, не говоря ни слова, вела их группу по извилистым коридорам.

Потолок становился все ниже и ниже, так что пришлось вначале ссутулиться, затем наклонить голову, а потом и во все согнуться в поклоне неизвестно кому. Яна уже гадала, придется ли шагать на четвереньках, но увидела, как согнутая в три погибели спина впереди идущего облегченно выпрямляется. В следующий миг она выпрямлялась сама и рас-

правляла плечи. Алла Владимировна привела их в огромный каменный зал с необозримо высоким потолком. Справа вдалеке виднелась неплотно прикрытая дверь. Оттуда вырывались багровые отсветы, и слышался мерный стук молотков. Дверь открылась, и вышел кузнец. Он устало потянулся и пошел куда-то в темноту, крихтя и почесываясь. Яна заставила себя взглянуть на него. Она знала, *кого* увидит, но все равно вздрогнула. Правая рука сама собой совершила крестное знамение. Притихший было котенок выгнул спину, зашипел и с негодующим мяуканьем выпрыгнул из ее рук. Едва коснувшись каменного пола, он заметно вырос, окреп и распушился. В следующий миг мнимый больной уже резво бежал за рогатым кузнецом, лоя кисточку на его хвосте.

Яна больше не пыталась обманывать саму себя. Она с самого начала догадывалась, куда ее зазывает черный дымящий хромоногий незнакомец. И все-таки она пошла, прикрываясь котенком, как живым щитом. Неужели она так хотела изменить свою жизнь, что добровольно спустилась в преисподнюю? Яна подошла к сопровождающей, молчаливо стоящей неподалеку.

—Алла Владимировна, пожалуйста, помогите мне выйти отсюда! Я не хочу *так* меняться!

—Ты пришла сюда добровольно и не сможешь выйти, пока тебя не выпустят, — ответила бывшая преподавательница спокойным, ровным голосом.

—Прошу Вас, выпустите меня! У меня маленький ребен-

нок... Вы ведь тоже мать! Пожалуйста, помогите мне!

Алла Владимировна на миг заколебалась, но все же отрицательно покачала головой:

–Поздно. Сейчас придет Главный. Мы не успеем выйти.

Яна схватилась за это случайно вырвавшееся «мы», как утопающий за соломинку:

–Прошу Вас, давайте попытаемся! Ради моего малыша, ради Ваших детей.

В следующий миг раздался мерный гул, каменные стены и пол задрожали. Гул приближался и нарастал, в нем явственно различались тяжелые шаги и громкое сопение. Выстроившиеся в очередь люди, как по команде, вздрогнули и опустили головы. Алла Владимировна решила:

–А может, и успеем.

Она развернулась и побежала, Яна следом. Никто не обратил внимания на их бегство – все ждали появления Главного. Они бежали несколько минут, а может, несколько часов. Похоже, время испугалось не меньше Яны и то застывало, то иступленно летело. В полутемной пещере, засыпанной мусором и загроможденной мусорными баками, Алла Владимировна остановилась и дернула Яну за рукав.

–Стой, надо отдышаться, чтобы никто ничего не заподозрил. Мы выйдем вместе с изменившимися. Дверь открывается три раза в сутки, откроется как раз через десять минут. Помни: на тебе навсегда останется след. Чтобы ослабить его, нужно провести очищение, пить специальные от-

вары из трав. А еще понадобится помощь психолога. Найди меня там, снаружи, я обо всем тебе расскажу. Ну все, пошли.

Но в следующую секунду откуда-то из темноты вынырнул высокий мужчина. Привыкшие к полумраку глаза разглядели раскоординированные движения, безумный взгляд, нож в исколотой руке... Наркоман бросился на них, заноса нож. Алла Владимировна и Яна ринулись в разные стороны. Прячась за мусорные баки, Яна короткими перебежками передвигалась вперед, к тусклому свету и тихому гулу голосов. Она зачем-то сунула руку в сумочку, хотя никогда не носила с собой даже перцового баллончика. Ее пальцы нащупали полоску фанеры, которую она как-то вынула за ненадобностью из-под сиденья детского стульчика и с тех пор использовала вместо линейки. Подняв глаза от сумочки, Яна с ужасом увидела прямо перед собой наркомана. Она отчаянно ткнула его полоской фанеры в висок. От неожиданности наркоман выронил нож. Яна воспользовалась его секундным замешательством и выбежала в полный людей слабо освещенный зал.

Напустив на себя как можно более безмятежный вид, Яна старалась не замечать десятков устремленных на нее взглядов. Она огляделась по сторонам, ища Аллу Владимировну, но ее нигде не было видно. Толпа отделяла ее от заветной двери – обычной деревянной двери с аккуратным листком расписания. Она прищурилась и разобрала огромные цифры: 3. 55; 14. 48; 20.06. Кстати, сколько сейчас времени?

Между тем в толпе нарастал недовольный рокот. Перекованные к новой жизни люди потихоньку начали наступать на избежавшую молота. Яна попятилась, испуганно крестясь.

–Беги! Беги скорее! Встретимся на Юго-Западной! – крикнул смутно знакомый женский голос. Яна мельком взглянула на женщину. Кажется, это врач из того самого роддома, где она чуть не умерла ... Но вспоминать было некогда: в двух метрах от нее неожиданно сама собой открылась другая, раньше невидимая, дверь. Она прыгнула навстречу свету и побежала изо всех сил по железнодорожному полотну.

Она бежала без оглядки не менее получаса. Наконец, она остановилась возле рынка и отдышалась. Сердце бешено колотилось, руки дрожали, ноги подгибались. Срывающимся голосом она спросила у старушки с сушеными грибами, как пройти до ближайшей станции метро. Старушка весело рассмеялась. Отсмеявшись, она дружелюбно объяснила, как дойти до автобуса, едущего до станции, затем на какую электричку сесть, чтобы доехать до города. А метро, мол, уже сама в городе найдешь. Яна поблагодарила ее и пошла к автобусной остановке.

В двадцати метрах от остановки она увидела сидящую на каком-то пеньке девушку. Девушка низко опустила голову, но Яна все равно увидела, что у нее странно светятся глаза. Сжавшись в комочек, она попыталась прошмыгнуть мимо. Девушка неожиданно начала громко читать странный стишок. Яна с ужасом почувствовала, что цепенеет и засыпает.

Из последних сил она зашептала молитву «Отче наш». Сон отступил, и Яна опрометью побежала к подошедшему автобусу. Девушка презрительно рассмеялась ей вслед, но преследовать не стала.

Яна устало опустилась на обшарпанное автобусное сиденье. Она твердо знала, что больше никогда не попытается изменить свою жизнь *таким* способом. Она не имеет права рисковать собой, ведь она в ответе за сына и родителей. Она будет жить дальше, растить ребенка, работать, стараться приносить счастье близким, радоваться, надеяться, верить и ждать. Слава, Богу, домой!